

Д. О. Лабаури*

**К ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ В МАКЕДОНИИ И ФРАКИИ В 1878-1908 гг.**

В НОВОЙ ИСТОРИИ Балканского полуострова тема болгарского национального движения в последней четверти XIX – начале XX в., приобретавшего формы ирредентизма или, иными словами, непримиримой борьбы за воссоединение Болгарии с насильственно отторгнутыми от нее в 1878 г. Македонией и Фракией, является, пожалуй, наиболее политизированной. Именно благодаря этой политизации данное движение и сегодня, теперь уже в качестве историографической проблемы, продолжает оставаться конфликтным полем в отношениях между интеллектуальными и политическими элитами балканских стран.

Что же касается отечественной историографии, то она во многом сохраняет наследие, доставшееся ей от советского периода, когда исследование болгарского национального движения после 1878 г. было осложнено по сугубо политическим причинам, из-за нежелания тревожить т.н. «македонскую проблему» в отношениях между Болгарией и Югославией. В силу культивирования в советской историографии представления о национально-освободительной борьбе в XIX – начале XX вв. отдельного «македонского народа», окончательное выделение которого из болгарского этноса искусственно увязывалось с судьбоносными решениями Берлинского конгресса, формировалось искаженное понимание болгарского национального движения. В работах А. С. Шофмана¹, К. Л. Струковой² и А. С. Мартыненко³ отмечалось, что возникшее в 1878 г. Болгарское княжество наряду с Сербией и Грецией выступало с «завоевательными планами» в отношении Македонии, «стремилось подчинить македонское освободительное движение своим захватническим интересам». Верховный македоно-одринский комитет (ВМОК) и Экзархат рассматривались ими как «орудия болгарского правительства» и «проводники великоболгарских интересов», которые встретили сопротивление со стороны Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО), боровшейся за независимую Македонию.

В последние 15 лет появился ряд работ, в которых авторы пытались более объективно взглянуть на болгарское национальное движение в конце XIX – начале XX вв. Признание получил факт «сугубо болгарского национального характера» ВМОРО, которая к тому же «имела определенные отношения с болгарскими правительствами или отдельными его министрами»⁴ и деятельность которой

* *Лабаури Дмитрий Олегович*, кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ *Шофман А. С.* Очерки по истории Македонии и македонского народа. Т. II. Казань, 1960.

² История Югославии в 2-х томах. Т. I. М., 1963. С. 625–638.

³ *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг. Киев, 1967; *Он же.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974.

⁴ *Ямбаев М. Л.* Македония и Россия (1897–1902): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 13.

«соответствовала политике софийского правительства»⁵. Был также подтвержден факт болгарской самоидентификации подавляющей части македонских славян в конце XIX – начале XX в.⁶ Тем не менее, в исследовании указанного движения остается целый круг вопросов, не получивших должного отражения в отечественной историографии. Это, прежде всего, касается 1) этно-социальных условий, в которых происходило формирование движения; 2) конкретного механизма взаимодействия между основными институтами движения; 3) национальной идеологии и программных установок данного движения.

В статье отнюдь не ставится задача дать развернутый ответ на все эти вопросы, но предпринимается попытка выработать авторское отношение к ним.

Начало болгарского национального движения было положено в 1762 г. знаменитым призывом Паисия Хилендарского: «Ты, болгарин, не прельщайся [чужим влиянием], знай свой род и язык и учись на своем языке!»⁷. Крупнейший болгарский историк К. Манчев в связи с этим совершенно справедливо отмечал ведущую роль не буржуазии, а именно интеллигенции в развитии общества: «Именно она моделирует духовную и политическую жизнь нации, без ее *предварительной работы* (курсив мой – Д. Л.) на научно-просветительском и национальном поприще невозможна никакая революция, никакое серьезное национально-освободительное восстание. Более важным является вопрос не о том, когда была открыта первая фабрика, а о том, когда была открыта первая новоболгарская школа, когда на историческую сцену вышли первые болгарские ученые, публицисты, учителя, писатели, духовные лидеры»⁸.

С середины XIX в. на смену этим немногочисленным «исследователям-эрудитам», как их называет чешский исследователь М. Хрох⁹, пришло новое поколение национальных активистов, готовых перенести акцент в национальном движении из плоскости научно-просветительской деятельности в плоскость общественно-политической борьбы за самоуправление – сперва церковное, а затем и политическое. Переход к этой новой фазе национального движения начался в период Крымской войны, когда впервые была сформулирована политическая программа решения болгарского национального вопроса, предусматривавшая введение автономии для болгарских земель Дунайской Болгарии, Фракии и Македонии. Кульминацией этой фазы стало учреждение в 1870 г. Экзархата, как особой болгарской церковной области, а также борьба за расширение его границ в 1872–1874 гг. Развитие национального движения в Дунайской Болгарии по ряду объективных причин шло опережающими темпами, уже в 70-х гг. XIX в. там формировались основы массового антитурецкого движения за политическое освобождение, тогда как в Македонии в разгаре еще была экзархийская антифана-риотская борьба.

С созданием Болгарского княжества в 1878 г., болгарский национальный вопрос был решен лишь частично, он теперь распадался на две основные проблемы: македоно-одринскую и восточно-румелийскую, первая из которых после Со-

⁵ Шкундин Г. Д. К истории «македонского вопроса» // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 23.

⁶ Волков В. К. Македонский вопрос в политике и науке // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 4.

⁷ История славяноболгарская, собрана и нареждена Паисием иеромонахом в лето 1762 / Ред. Йор. Иванов, София, 1914. С. 6.

⁸ Манчев К. Националният въпрос на Балканите. София, 1999. С. 143.

⁹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 124–125, 129.

единения 1885 г. стала доминирующей в политической жизни Княжества. Однако соседние с ним Греция и Сербия отнюдь не склонны были рассматривать македонский вопрос как исключительно болгарский и настойчиво предлагали Софии достичь соглашения о предварительном разделе Македонии на сферы влияния. Отвергая эти предложения, Болгария выступила за сохранение единства болгарских земель в Македонии в рамках отдельной автономии. Автономистский принцип восприняли и две революционные организации: ВМОРО с Центральным комитетом в Салониках и Македоно-одринская организация (МОО) с Верховным комитетом (с 1900 г. ВМОК) в Софии, возникшие в 1893–1895 гг. и выступившие за решение болгарского национального вопроса в Македонии и Фракии силовыми методами¹⁰. О формуле автономии в программе ВМОРО предельно ясно высказался в своих воспоминаниях один из ее основателей Христо Татарчев: «[Мы] остановились на автономии Македонии с преобладанием болгарского элемента. Мы не могли принять положение о “прямом присоединении Македонии к Болгарии”, так как понимали, что осуществить это будет очень сложно ввиду противодействия великих держав и устремлений соседних малых государств и Турции. Мы считали, что автономной Македонии впоследствии было бы легче объединиться с Болгарией»¹¹. Границы этой автономии были определены в двух проектах 1896 и 1902 гг., принятых за основу своих требований болгарским правительством, ВМОК и ВМОРО. В проекте 1902 г. они охватывали на севере Македонии казы Прешево, Куманово, Скопье, Тетово, на западе – Дебр, Охрид, Ресен, Костур, на юге – Кайляр, часть казы Бер, Салоники, полуостров Халдики и остальную территорию эгейской Македонии, а во Фракии – весь Адрианопольский вилайет¹².

Если опираться на данные болгарского этнографа В. Кынчова¹³, и официальную статистику Экзархата за 1900 г.¹⁴, в данных границах проживало примерно 2 170 000 человек, среди них 1 179 500 болгароязычных жителей, которых условно можно назвать этническими болгарам. Из них 1030700 (47,5 %) являлись христианами. Между болгароязычными христианами не было единства: к болгарам причисляли себя, как правило, лишь экзархисты (817 000), немногочисленные униаты и протестанты (5 216) и те немногие патриархисты, которые сохраняли верность греческому патриарху по религиозно-бытовым причинам. В сумме они составляли не более 40 % населения Македонии.

Что касается основной массы этнических болгар патриархистов, то они, как правило, делились на т.н. сербоманов (76 736) и грекоманов (ок. 130 000). Для характеристики этих двух групп лучше всего подойдет определение, данное Э. Ренаном нации в 1882 г.: это «великая солидарность», которая «продолжается в настоящем благодаря осязаемому факту *согласия людей*, их отчетливо выраженному *желанию жить сообща* (курсив в тексте мой – Д. Л.)»¹⁵. Тезис Ренана о двух уровнях идентичности, объективной этнической и субъективной нацио-

¹⁰ Гоцев Д. Идеята за автономия като тактика в програмите на националноосвободителното движение в Македония и Одринско, 1893–1941. София, 1983.

¹¹ Материали за историята на македонското освободително движение, кн. IX. В Македония и Одринско, спомени на Михаил Герджиков. Първият централен комитет на ВМОРО, спомени на д-р Христо Татарчев. София, 1928. С. 102.

¹² Централен държавен исторически архив (ЦДИА). Ф. 1932К, оп. 3, а.е. 242, л. 2.

¹³ Кынчов В. Македония. Етнография и статистика. София, 1900.

¹⁴ Саздов Д. Демографията на Македония и Одринска Тракия в края на XIX и началото на XX в. // Военноисторически сборник. 1995. № 5. С. 43–64.

¹⁵ Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 239–240.

нальной, в начале XX в. дополнил О. Бауэр теорией о «естественной общности», объединенной общим происхождением и языком, и «культурной общности», объединенной осознанием общности коллективно переживаемой судьбы¹⁶. Бауэр уточнял при этом, что обе эти общности могут совпадать в рамках одной нации, а могут и не совпадать. Большая часть сербоманов и грекоманов как раз являла собой пример несоответствия «естественной» и «культурной» общности. Будучи этническими болгарами, первые считались приверженцами сербской национальной идеи и вместе с этническими сербами составляли чуть более 3,5 % населения Македонии; вторые в большинстве своем осознавали общность судьбы с этническими греками (166 700). Всего греками в Македонии к началу XX в. себя самоопределяли 15–16 % населения, в том числе большая часть этнических вlahов (67 000) и православных албанцев (20 000).

Единой привилегированной группой считались мусульмане, насчитывавшие более 36 % населения Македонии и представленные этническими турками (480 000), болгароязычными помаками (148 800), самоопределявшими себя турками, и албанцами мусульманами (ок. 140 000).

Что касается Адрианопольского вилайета, то здесь болгары являлись большинством лишь в северо-западной и северо-восточной его частях. Абсолютное большинство в вилайете составляли мусульмане, численность которых с 1878 по 1912 гг. только за счет мухаджиров выросла более чем на 300 000 человек¹⁷.

«Предварительная работа» болгарских национальных активистов продолжалась в Македонии и Фракии и после рокового для болгар Берлинского конгресса 1878 г. Болгарский революционер Христо Силянов окрестил этот период до основания ВМОРО эпохой «верноподданства», когда «болгарщина собиралась с силами», спланивая вокруг своих церковных общин¹⁸. Это было время, когда болгарская национальная элита при помощи массовой патриотической агитации через церковь и школу пыталась «разбудить» в своей этнической группе национальное самосознание, вовлечь болгарскую этническую массу в нацию как «культурную общность». Данная деятельность осуществлялась Экзархатом в тесном союзе с молодым Болгарским княжеством, видевшим свою задачу в том, чтобы завершить национально-консолидационный процесс на всем пространстве болгарской этноязыковой общности, подготовив тем самым дальнейшее политическое воссоединение еще остававшихся под турецким господством земель с Болгарией. В итоге количество болгарских школ и церковных приходов в Македонии и Фракии с каждым годом все более увеличивалось, а национальная идея все более укреплялась в сознании многочисленного поколения тамошних молодых болгар.

Применительно к началу 90-х гг. XIX в. мы имеем многочисленные свидетельства уже именно массового вовлечения македонских болгар в национальное движение, которое пока что проявлялось в форме легальной борьбы за национально-культурную автономию от греческой патриархии. Как емко выразился корреспондент «Русского богатства» в 1903 г., «не подлежит ни малейшему сомнению, что македонцы с неуклонным постоянством превращаются на наших

¹⁶ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М., 2002.

¹⁷ Шишков С. Тракия преди и след Европейската война. Пловдив, 1922. С. 84, 95–98, 113–114.

¹⁸ Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. I. София, 1983. С. 17.

глазах в болгар»¹⁹. Глава II политотделения МИД Болгарии Т. Карайовов в 1906 г. прямо указывал на то, что экзархийские «школы создали болгарский народ» в Македонии²⁰. Эти слова, однако, не следует воспринимать в буквальном смысле. Конструктивистский подход в изучении национальных движений, акцентирующий внимание на роли социальной инженерии и искусственного конструирования в процессе формирования или «изобретения» нации на осколках «предшествующих культур»²¹, кажется нам в данном случае несостоятельным. Греческие «конструкторы», например, располагали несравнимо большими ресурсами влияния (политическими, финансовыми, культурными) и, тем не менее, не только не смогли сохранить свои позиции в регионе, но и стремительно теряли их. Британский консул Д. Блант писал в апреле 1892 г., что «греки с такой скоростью теряют почву в Македонии, что едва ли можно ожидать в случае эвентуального усложнения на Востоке какое-либо заметное греческое расширение, выходящее за пределы Фессалии»²². И если даже и принять положение о национальном самосознании как сугубо субъективной категории, все же невозможно игнорировать объективные предпосылки для образования нации, которые выражались в наличии болгарской этнической («естественной») общности как объективной данности. Болгарская элита, безусловно, сыграла решающую роль в преобразовании болгарского этноса в нацию в ходе национального движения, но отнюдь не «изобрела» ее из ничего. Фундаментом для развития национального самосознания послужила присущая любому этносу этническая самоидентификация.

Отдав должное значимости «предварительной работы» национальной элиты, все же заметим, что агитация Экзархата едва ли нашла бы должный отклик у этнических болгар в Македонии и Фракии без тех благоприятных условий, которые были созданы масштабной трансформацией общества в Европейской Турции в конце XIX – начале XX в. В трудах историков марксистско-ленинской школы в качестве основной причины национально-освободительного движения в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. выделялось постоянно ухудшающееся экономическое положение болгарского, прежде всего сельского, населения, что было связано, во-первых, с углублением еще со времен Крымской войны общего финансово-экономического кризиса Турецкой империи, вынужденной повышать налоговое бремя для своих подданных (прежде всего, христиан), а, во-вторых, с ростом в связи с развитием рынка и товарного производства эксплуатации полузависимых болгарских чифлигарских крестьян мусульманскими беями чифлик-сайбиями. Единственным выходом, как утверждалось, из этого усиливающегося экономического гнета была антифеодальная и в то же время национально-освободительная борьба против турецкого феодально-бюрократического государства²³. Данные македонской действительности конца XIX – начала XX в., однако, показывают, что основную социальную предпосылку роста бол-

¹⁹ И. К[ашинцев]. Македония и Македонский вопрос // Русское богатство. 1903. № 10. С. 47.

²⁰ Михов М. Един рапорт на Второ политическо отделение при Министерството на външните работи и на изповеданията по македонския въпрос (1906 г.) // Македонски преглед. 1998. № 2. С. 127.

²¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб, 1998. С. 19; Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 146–200.

²² Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. Т. 1 (1878–1893). София, 1993. С. 334.

²³ Пандев К. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско (1878–1903). София, 2000. С. 19–23.

гарского национального движения в Македонии и Фракии в указанный период следует искать не в ухудшении экономического положения болгарского населения (сам факт которого разумно поставить под вопрос), а как раз в развитии в результате капиталистической модернизации социальных связей, значительно расширивших представления людей об окружающей действительности и способствовавших росту их национального самосознания. Главной опорой движения стали городской эснаф и раятские крестьяне-собственники. Именно высокий уровень социальной мобильности этих групп, так же как и большая доступность их к каналам социальной коммуникации, под которой следует понимать способы восприятия и передачи информации о действительности и о подходах к ней, послужили благоприятным условием для принятия ими патриотической агитации и национальных программ. Де-факто привязанные к своей земле и более отстающие в хозяйственном плане чифлигарские крестьяне были менее восприимчивы к национальной агитации, несмотря на то, что были наиболее задавлены гнетом мусульманских беев.

Другим важным фактором активизации болгарского национального движения в Македонии и Фракии явилось социальное напряжение, имевшее место как в отношениях между болгаро-христианской и мусульманской общинами, так и в отношениях болгарского населения с турецким государством, которое вопреки 62 ст. Берлинского договора, сохраняло неравноправие мусульман и христиан. И если раньше подчиненное положение в рамках социальной иерархии порой воспринималось в порядке вещей, то теперь высокий уровень социальной коммуникации, в том числе грамотности, национального воспитания в народной школе и рыночных отношений, формировал психологию свободной личности, не желающей мириться с традиционным для христиан в Турции статусом политически и административно дискриминируемой райи.

Большое значение имел и демографический фактор. Быстрый рост численности болгарского населения в период после Крымской войны привел к его значительному омоложению к концу XIX в. Радикализм и агрессивность многочисленного, получившего национальное воспитание в школах, молодого поколения (людей до 30 лет), пришедшего к руководству болгарским национальным движением в конце XIX – начале XX в., наложил определенный отпечаток на характер самого движения.

В начале 90-х гг. XIX в. Экзархат, выполнив свою миссию, стал стремительно терять влияние среди «пробужденного» им населения, а новое поколение болгарской интеллигенции стало ориентироваться уже на вооруженную форму политической борьбы. ВМОРО и ВМОК явились качественно новыми факторами болгарского национального движения в Македонии и Фракии. Превращение их на рубеже XIX–XX вв. в массовые организации, которые смогли спланировать и организовать в 1902–1903 гг. два масштабных народных восстания – Горнодзюмайское и Ильинденско-Преображенское, свидетельствовало о зрелости болгарского национального движения, давно перешедшего от стадии защиты национальной культуры и языка к стадии борьбы за гражданские права и политическое самоуправление. Несмотря на наличие определенных противоречий в отношениях между двумя организациями, которые определялись главным образом тактическими соображениями, они сохраняли одинаковые функции, общие цель (автономия Македонии и Адрианопольской Фракии) и методы ее достижения (восстание), выступая относительно единым идейным (радикально-демократическим) фронтом в болгарском национальном движении.

В силу объективных причин Экзархат, не отказавшийся от своих национально-культурных функций, был оттеснен на периферию национального движения и в итоге насильственно подчинен задачам революционной борьбы – экзархийская сеть церковно-школьных заведений была превращена в корневую систему и легальное прикрытие для организационно-пропагандистских структур ВМОРО. Так, по сведениям болгарского дипломата А. Тошева в 1907 г., до 90 % экзархийских учителей в сельской местности являлось активистами ВМОРО, воздействовать на которых у экзарха не было никакой реальной возможности²⁴. Все это способствовало переориентации официальной Болгарии с Экзархата на ВМОРО, которая с 1903 г. стала регулярно получать от болгарского правительства материальную и иную помощь.

Болгарское княжество в свою очередь так же занимало важное место в концепциях, программах и представлениях македоно-одринских деятелей. Сложная геополитическая обстановка на Балканах, однако, вынуждала и ВМОРО, и ВМОК скрывать этот факт за официальной доктриной македонского политического сепаратизма – нужно было любой ценой убедить балканские государства и великие державы в непричастности Болгарии к македонскому движению. Только так, полагали идеологи движения, можно было добиться расположения европейской общественности и дипломатии и избежать вмешательства Сербии и Греции. В действительности, как показывают документы, а также личные признания революционных руководителей в своих мемуарах, данная доктрина являлась всего лишь прикрытием для истинной программы национального освобождения и объединения болгарских земель.

После восстания 1903 г. отмечался спад в развитии болгарского национального движения, который выразился в утрате им прежней массовости, в дезорганизации и последующем расколе ВМОРО, неуклонно терявшей моральный и политический кредит доверия населения и статус решающего фактора в решении болгарского национального вопроса. Все это имело преимущественно объективные причины. К ним следует отнести как естественные деформации и сотрясения, пережитые движением в период восстания, так и постепенное отстранение от руководства движением, особенно на местном уровне, революционной интеллигенции. Реальными факторами политики ВМОРО в Македонии постепенно становились малограмотные воеводы (полевые командиры), имевшие весьма упрощенные представления о задачах болгарского национального движения. Зачастую такие воеводы превращались в заложников политики противоборствующих в Софии группировок, на которые стала распадаться прежде формально единая революционная организация.

Отставание юго-восточной Македонии по темпам развития национального движения от других революционных районов, выражавшееся в сравнительно низком уровне политического сознания населения (по ряду, в том числе и местных, социально-экономических причин), в отсутствии массовых форм участия населения в революционном движении, привело к тому, что после дезорганизации и ослабления ВМОРО в результате восстания 1903 г. свою власть в указанной части Македонии сравнительно легко смогли навязать самозванные банды малограмотных болгарских четнических командиров Я. Санданского и П. Чернопеева, вышедших из подчинения организации и по сути порвавших с задачами болгарского национального движения, сперва восприняв марксистскую доктри-

²⁴ *Свирачев П., Илиева Д.* Поверителен доклад от Андрей Тошев по македонския въпрос от 1907 г. // Известия на държавните архиви. 1992. Кн. 64. С. 114–115.

ну, а затем пойдя на союз с турецким национальным движением, представленным младотурками, победа которых в 1908 г. коренным образом изменила общественно-политические условия и расклад сил в Европейской Турции.

Отдельного внимания заслуживает политика ВМОРО в национальном вопросе, которая во многом раскрывает характер болгарского национального движения в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. Первый дошедший до нас устав и сборник правил ВМОРО, датируемые 1896 г.²⁵, свидетельствуют о том, что данная революционная организация изначально создавалась как национальная болгарская, открытая сначала только для экзархистов, а с 1896 г. – для всех болгар.

Наиболее последовательным сторонником привлечения неэкзархистов в ряды революционной организации и, тем самым, превращения ее во всемакедонскую был ее военный руководитель Гоце Делчев, сам происходивший из униатского болгарского Кукуша. Именно благодаря его личному участию в структуру организации еще до появления четнического института ВМОРО в 1899 г. были включены несколько болгарских патриархийских сел. Абстрактная освободительная идея ВМОРО вполне подходила для выражения социального напряжения, одинаково переживаемого и экзархистами, и патриархистами. Делчев, прекрасно понимавший это, в инструкциях четническим командирам предписывал вести двойную агитацию: национально-патриотическую с апелляцией к болгарскому историческому прошлому для экзархистов и социальную с обращением к нестерпимым условиям жизни для остальных. Так, если в смешанных или полностью патриархийских селах следовало «говорить, что цель чет состоит не в том, чтобы превращать кого-либо в болгар или греков, а в том, чтобы освободиться от турок, после чего будет видно, кто кем станет», то для чисто экзархийских сел предписывалась иная агитация: «делать беглый исторический обзор турецкого ига», «объяснять каким сильным было болгарское царство одно время»²⁶ и т.д.

Гибкая политика ВМОРО по отношению к патриархистам не означала отказ от стратегической цели национальной консолидации своей этнической группы. Многие местные руководители организации в такой политике видели, прежде всего, удачное средство «достичь возвращения блудных сынов к нашей национальной церкви»²⁷. К началу 1903 г. началось и прямое дирижирование ВМОРО этим процессом «возвращения»²⁸. Тем самым ВМОРО как бы продолжала в иных формах экзархийскую миссию национальной консолидации всех этнических болгар.

Помимо них в ВМОРО еще до 1902 г., вопреки уставу, стали вступать представители других этнических групп. Все это в совокупности со стремлением переиграть сербскую и греческую националистическую пропаганду в борьбе за симпатии международной общественности способствовало утверждению в революционных кругах идеи интернационализации македонской освободительной борьбы. Данная линия впервые начинает четко прослеживаться в документах

²⁵ Пандев К. Устави и правилници на ВМОРО преди Илинденско-Преображенското въстание // Известия на института за история. 1970. Т. 21.

²⁶ Материали... Кн. I. Въстаническото движение в Югозападна Македония (до 1904 год). По спомени на Славейко Арсов. София, 1925. С. 26–27.

²⁷ Баждаров Г. Моите спомени. София, 1929.

²⁸ Коюнджу А. Основаването на Българската екзархия и националните проблеми в Македония (1870–1903) // 100 години от Илинденско-Преображенското въстание (1903 г.) Сборник доклади от международната научна конференция. София, 26–27 септември 2003 г. София, 2005. С. 309.

ВМОК Б. Сарафова с осени 1900 г.²⁹ Именно под влиянием интернационалистских идей, утвердившихся в болгарском обществе и в среде македоно-одринской эмиграции в Болгарии, бывшие заграничные представители ВМОРО в Софии Г. Делчев и Г. Петров осуществили коренную редакцию устава и правил ВМОРО в начале 1902 г. Доктрина македонского политического сепаратизма в тактических целях теперь дополнялась доктриной македонского интернационализма. Любые упоминания о болгарях и болгарском характере ВМОРО были изъяты из текста ее программных документов, а сама организация стала называться не Болгарские македоно-одринские революционные комитеты (БМОПК), как прежде, а Тайная македоно-одринская революционная организация (ТМОРО) (общезвестное название ВМОРО она получила только в 1905 г.)³⁰.

Следует, однако, отметить, что интернационалистская программа ВМОРО и ВМОК, зафиксированная в уставах, резолюциях и официальных заявлениях, оставалась в основном декларативной и оторванной от реальной действительности, направленной часто лишь на внешнее восприятие. На практике она была сложно применима, поскольку не соответствовала повседневному опыту, уровню грамотности и системе символов и стереотипов разнородного македонского населения. В Македонии даже образованные воеводы не вполне понимали смысл новой клятвы «бороться за свободу отечества нашего Македонии и Адрианопольского края» (вместо: «бороться за свободу болгар в Македонии и Адрианопольском крае»), объясняя ее своим подопечным, как правило, по-старому³¹. Неграмотным же воеводам, имевшим, как правило, разбойничье прошлое, было еще сложнее сориентироваться в новых идейных условиях.

Помимо фактора борьбы за симпатии международной общественности, Делчев в начале января 1903 г. выделил и другое значение концепции интернационализма в практике ВМОРО: «Практические соображения требуют от нас вести борьбу с наибольшей экономией средств и сил. ... Мы должны начать [восстание] с нападений со стороны чет ... и с терактов ... но *всегда подальше от болгарского населения* (курсив мой – Д. Л.), которое мы не должны обрекать на турецкие преследования и жестокости. Болгары в Македонии почти что самостоятельно носят на своих плечах бремя революции, и они нам нужны для того, чтобы продолжить нашу борьбу, пока не достигнем крайней своей цели»³². Данная формула, свидетельствующая о служебной роли концепции интернационализма в идеологии болгарского национального движения, была воспринята и другими македоно-одринскими лидерами, подтверждением чему является ход восстания 1903 г., в котором самому Делчеву уже не суждено было принять участие.

Кроме того, интернационалистский лозунг «Македония для македонцев» относился преимущественно лишь к христианскому населению, поскольку мусульмане традиционно считались системообразующим элементом османского господства в Македонии и Фракии. Сложность отношений между мусульманами и христианами на Балканах, характеризовавшихся большой степенью конфликтности, нашла отражение еще в самых первых программных документах движе-

²⁹ Билярски Ц. Протоколите на Върховния македоно-одрински комитет между VII и VIII конгрес (1900–1901) // Известия на държавните архиви. 1986. Кн. 51. С. 143; Български исторически архив при Народната библиотека «Св.св. Кирил и Методий» (НБКМ – БИА). Ф. 305. А.е. 260. Л. 4

³⁰ Пандев К. Устави и правилници на ВМОРО преди Илинденско-Преображенското въстание // Известия на института за история. 1970. Т. 21.

³¹ Материали... Кн. I. С. 32.

³² Яворов П. Гоце Делчев. София, 1904. С. 207.

ния, в которых ликвидация османского господства напрямую увязывалась с решением вопроса о турецком меньшинстве (проект балканской федерации Л. Каравелова). В конце XIX – начале XX в. о неизбежном исходе турецкого населения из автономной Македонии говорили идеологи как умеренного (В. Кынчов), так и радикального крыла болгарского национального движения.

На практике болгарское национальное движение в этот период находилось в состоянии перманентной «гражданской борьбы» (термин из документов Рильского конгресса ВМОРО 1905 г.³³) с мусульманским населением. Эта борьба выражалась как во всестороннем бойкоте так и в физической ликвидации отдельных представителей мусульманских общин. ВМОРО с помощью жестких мер удалось принудить болгарское население к отказу от любых контактов с мусульманским населением. Смертельному риску подвергался любой болгарин, уличенный в дружественных связях со своими турецкими соседями³⁴. Наряду с обращением к исторической памяти и неудовлетворительным фактам действительности одним из самых действенных приемов в агитации болгарских революционеров (ВМОРО и ВМОК) было систематическое нагнетание страха перед «чужаком» и неуверенности в будущем. Подобные меры вели к резкому росту взаимной ненависти между турками и болгарам. Данная ненависть способствовала успеху национальной агитации революционеров, и поэтому в некоторых случаях они содействовали ее разжиганию.

Тем не менее, не следует говорить исключительно о роли социальной инженерии ВМОРО и ВМОК в генезисе межэтнического конфликта в Македонии. Указанная агитация соответствовала системе символов и стереотипов большинства болгарского населения, которые подпитывались фактами повседневного опыта. Болгарские активисты имели дело с уже имевшимся потенциалом скрытой ненависти к «чужаку». Ненависть являлась выражением социального напряжения, которое в результате масштабных процессов трансформации общества в Европейской Турции в XIX – начале XX в. все более ощущалось болгарским населением параллельно с ростом его национального самосознания. Заслуга ВМОРО состояла лишь в том, что она грамотно аргументировала эту ненависть, в соответствии с задачами национального движения, и направила ее в нужное русло.

Социальные роли в обществе поменялись, и мусульмане уже не обладали, как прежде, привилегированным статусом. Массы источников свидетельствуют о господствовавшей в предильинденский период эйфории у болгарского населения, «почувствовавшего себя более свободным» и сильным, и об атмосфере страха, которым было сковано мусульманское население³⁵. Весной 1903 г. напряжение в отношениях между двумя общинами вылилось в резню христиан в Салониках и Битоле, а в период Ильинденско-Преображенского восстания достигло высшего пика.

В 1903 г. повстанческое руководство стояло перед сложной задачей: нейтрализовать вооруженное до зубов местное мусульманское население, готовое к геноциду болгар, но в месте с тем и не запятнать себя в глазах европейской общественности, которая в восстании должна была увидеть вызов, брошенный, прежде всего, центральной турецкой власти. Как показывают директивы повстанче-

³³ Билярски Ц., Петров Т. Циркулярите на Вътрешната македоно-одринска революционна организация, съставени след Рилския конгрес от 1905 г. // Известия на държавните архиви. 1985. Кн. 50. С. 196.

³⁴ ЦДИА. Ф. 1931. Оп. 1. А.е. 59. Л. 6.

³⁵ Матов Х. Основи на Вътрешна революционна организация (опит за подбиране и формулиране «основите»). С приложение «Що бхмме – що сме?». София, 1925. С. 83.

ского руководства³⁶ и факты их применения на практике, повстанцы в числе прочих задач сосредоточились на ликвидации мусульманских сел вместе с их взрослым мужским населением (как потенциальными башибузуками). Подобные действия, однако, имели в основном обратные последствия, поскольку ответные репрессии турецких войск и местных мусульман привели к значительному изменению межэтнического баланса в Западной Македонии и Фракии не в пользу болгар. После подавления восстания местными мусульманскими комитетами в массовом порядке стали формироваться нелегальные вооруженные четы, взявшие на вооружение тактику методичного истребления болгарского населения.

Кроме того, восстание 1903 г. послужило сигналом для активизации сербской и греческой этнических организаций в Македонии, которые в союзе с местными турецкими гарнизонами и четами с 1904 г. приступили к методичному наступлению на позиции ВМОРО. В этих условиях ВМОРО вынуждена была фактически отказаться от доктрины интернационализма и бороться в разгоравшейся межэтнической войне за сохранение доминирующих позиций в Македонии за болгарам. Говоря об этой «новой тактике» ВМОРО в национальном вопросе, консул Австро-Венгрии в Битоле Краль заключал в апреле 1904 г., что «движение, которому до сегодняшней поры пытались до определенной степени придать македонско-христианские, антитурецкие, черты, в сущности, является подчеркнуто национальным болгарским»³⁷.

Особенно ярко о болгарском национальном характере ВМОРО свидетельствовала ее негативная реакция на появление славяно-македонского движения, выступившего с программой возрождения македонских славян в качестве отдельной нации. Македонистские национально-сепаратистские тенденции впервые появились еще в эпоху болгарского Возрождения в качестве реакции на ощутимые диалектно-языковые различия между восточно-болгарскими и македонскими землями, а также на лидерство Восточной Болгарии в процессе национального движения, однако окончательно оформились в национальное движение лишь к началу XX в.³⁸

Славяно-македонцы выступали с задачами, характерными для начальной фазы национального движения. В 1903 г. лидер движения К. Мисирков официально выступил против политической автономии Македонии³⁹, а глава Славяно-македонского общества в Петербурге Д. Чуповский приступили к тайным переговорам с турецкими властями в надежде получить позволение на легальную национальную агитацию⁴⁰. Согласно славяно-македонцам, в первую очередь следовало сосредоточиться на национально-просветительской деятельности, дабы сперва «воспитать» македонский народ в мирном сотрудничестве с турецкими властями, а затем уже требовать для него политическую свободу. Сама македонская нация, согласно их представлениям, существовала пока лишь в потенциале — во всех программных документах данного движения о македонских славянах говорилось лишь как об «отдельной этнографической единице», но не как об отдельной нации, которую еще только предстояло создать посредством выработки

³⁶ См.: *Биярски Ц.* Проектопланът на Илинденско-Преображенското въстание // Военноисторически сборник. 1992. № 4; *Он же.* Планът на Илинденско-Преображенското въстание 1903 година // Военноисторически сборник. 1987. № 6.

³⁷ *Аданър Ф.* Македонският въпрос. София, 2002. С. 213.

³⁸ *Лабаури Д. О.* Идеология македонизма в 1886–1903 годах // Славяноведение. 2005. № 3.

³⁹ См.: *Мисирков К.* За Македонските работи. София, 1903.

⁴⁰ *ЦДИА. Ф. 933. Оп. 1. А.е. 95. Л. 439, 441–442, 444–445.*

и утверждения своего литературного языка и распространения македонского самосознания, что и провозглашалось главными задачами славяно-македонского национального движения⁴¹.

Подобные задачи не могли увлечь болгаро-македонское население, активно включившееся к тому времени уже в антитурецкую борьбу за политическое самоуправление. Кроме того, шансов на успех славяно-македонскому движению не оставлял и вступивший в завершающую стадию процесс национальной консолидации болгарской этноязыковой общности, который, помимо развития болгарского национального самосознания, имел в Македонии и другое видимое измерение, а именно: стирание местных македонских диалектно-языковых особенностей, на которые так уповали славяно-македонцы. Данные говорят о том, что болгаро-македонское население наряду с болгарской национальной идеей все более воспринимало также и болгарский литературный язык⁴². Этому способствовали болгарская школа, уход на сезонные заработки в Болгарию и живой пример агитации болгарских национальных активистов. В том числе и выходцев из Македонии. Поддержанное отчасти лишь некоторыми сербскими политическими кругами, славяно-македонское движение в начале XX в. не нашло почвы в Македонии и просуществовало до 1917 г. лишь в виде эмигрантской организации в Петербурге.

Таким образом, можно сделать вывод, что болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1878–1908 гг. принадлежало к категории классических национальных движений XIX – начала XX в., выступавших с классической программой национально-политического возрождения, в данном случае, безусловно, ирредентистской. Исключительно сложные как внутренние (большая численность неболгарского населения в Македонии и Фракии), так и внешние (позиция балканских и великих держав) условия развития данного движения требовали максимально тщательно маскировать этот ирредентизм за различными служебными доктринами: македонского политического сепаратизма и интернационализма. Интернационализм в этом плане был тактическим ходом и к тому же временным. Вместе с тем это не означало того, что болгарское движение носило определенно националистический характер. Программные документы и практика различных субъектов движения показывают, что национализм как мировоззрение, в рамках которого придается абсолютный приоритет ценностям нации над всеми иными ценностями и интересами, присутствовал, но не являлся господствующим в болгарском национальном движении, главной целью которого оставалось достижение гражданских прав и политического самоуправления для болгар, оставшихся за пределами Болгарского государства.

⁴¹ См.: *Лабаури Д. О.* Проблема македонской национальной идентичности в идеологии Крсте Мисиркова (1902–1905) // *Славянский альманах* 2004. М., 2005.

⁴² См.: *Лабаури Д. О.* Берлинский приговор 1878 г. и проблема македонского этноязыкового своеобразия // *Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки.* Вып. 13. 2007. № 49.